

(англ. linguistic convergence area), как полагают, лучше передающий динамизм типологического схождения в пределах одного географического ареала [17], а на мой взгляд, менее удачный как термин в целом.

Дело, в конце концов, не в терминологии. Истоки учения о языковых союзах, конечно, старше этого термина Трубецкого. Понятие Sprachbünde (языковые союзы) справедливо рассматривается как производное от Wellentheorie (теория волн) прошлого века, т. е. классической лингвистической географии языковых контактов и заимствований, сковывавшейся и, к удивлению, до сих пор сковываемой младограмматической Stammbaumtheorie (теория родословного древа) с ее жесткими Sprachfamilien (языковые семьи) [18]. Справедливость требует отметить, что еще Копитар, 200-летие рождения которого недавно отмечалось, разгадал тайну балканского языкового союза, а Миклошич продолжал разрабатывать эту идею [19]. Возвращаясь к двуязычию, следует подчеркнуть актуальность недостаточно разрабатываемых его лингвогеографического и этнолингвистического аспектов, а не только социолингвистического и психолингвистического.

Что же касается типологии языковых союзов, то она продолжает деятельно изучаться, но в основном, к сожалению, не на материале языков нашей страны. В числе редких исключений можно назвать весьма плодотворное исследование балтийско-славянского (конкретно: литовско-белорусско-польского) языкового союза в новое время [20], а также важное в плане наших рассуждений типологическое соположение этого балто-славянского и упоминавшегося выше балканского языковых союзов [21]. В остальном продолжается изучение балканского языкового союза и его более новых (и более проблематичных) филиаций в Банате, в карпатском регионе. По-прежнему сохраняет актуальность всестороннее исследование балканского языкового союза, этой классической модели языкового союза, ведущееся учеными разных стран мира. Здесь может представить интерес указание на то, что начало балканского языкового союза некоторые ученые датируют еще античной древностью [22]. Но еще более важными можно считать недавние результаты о приоритетности словесного, лексического материала при языковом взаимодействии, при образовании и развитии языковых союзов, в том числе и балканского языкового союза, обычно до сих пор традиционно изучаемого на материале других (нелексических) уровней [23]. Этот не всегда привлекавший должное внимание исследователей аспект побуждает вспомнить также мнение Х. Бирнбаума, высказанное им в дискуссии на последнем (десятом) Международном съезде славистов (София, 1988 г.) *о невозможности языковых союзов только на фонологической основе*. Напомним, что только на этой фонетико-фонологической основе противопоставления мягких и твердых согласных мыслился так называемый евразийский языковой союз, связываемый с именами Трубецкого и Якобсона. О языковом союзе, ориентированном на книжно-письменную культуру и цивилизацию в конечном счете всей Европы с греческим языком как источником и стимулятором лингвистических и культурных инноваций, мне уже приходилось говорить и писать, опираясь на исследования, в частности, американского лингвиста Г. Кахане [24] (между прочим, развиваемые в работе Кахане идеи «престижности» ведущего языка не чужды и нашим исследователям; ср. аналогичные мысли В. И. Абаева о престижном потенциале языка при контактировании [25]).

Высказывавшиеся в разное время сомнения в ведущей роли греческого языка даже в рамках балканского языкового союза, по-видимому, все-таки неосновательны, ибо культурных импульсов греческого хватило на значительную часть Средиземноморья, а через посредство весьма грецизированной латыни — и на всю лингвистическую Европу и ее цивилизацию. «Престижный», по терминологии Кахане, язык мы бы предпочли назвать наиболее авторитетным культурным языком. Стойкое влияние этого последнего ведет к стандартизации способов выражения понятий, к созданию языкового союза и двуязычия, как это резюмирует на